

Я.А.Васильев

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ОТКРЫТИЯ ССУДНЫХ (РОСТОВЩИЧЕСКИХ) КАСС ПОД ЗАЛОГ ВЕЩЕЙ В НОВГОРОДЕ В 70—80-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена отдельным вопросам деятельности ростовщиков Новгородской губернии в конце XIX века. Главным образом рассматривается полемика по поводу открытия ссудных касс под залог вещей, развернувшаяся между городскими властями и содержателями этих касс. Городские власти считали, что таким способом ростовщики стремятся легализовать свой промысел и всячески противились этому. Проблему обостряло отсутствие на тот момент действенной законодательной базы, позволявшей жестко контролировать ростовщичество. В статье затрагивается и проблема борьбы с ростовщичеством, например, попытки внедрения земством специальных складов для залога зерна, учреждение городских общественных ломбардов, кредитных товариществ и потребительских обществ.

Ключевые слова: ростовщики, ссудные кассы, залоговые, городские думы, городские ломбарды, Новгородская губерния

Ростовщичество является одним из самых старых видов финансовой деятельности в истории человечества. Ростовщики упоминаются во всех древних памятниках литературной и религиозной мысли (Библия, Евангелия, летописи и др.). Несмотря на традиционное безоговорочное осуждение данной практики, особенно в виде промысла, оно, тем не менее, было широко распространено, прежде всего из-за непрекращающегося спроса на ее услуги практически во всех слоях населения. Этим и объясняется неистребимость данного явления, которое пошло на спад только после создания действенной системы кредита в буржуазном обществе (в России — после отмены крепостного права), значительное число банкиров и вышло именно из ростовщиков. Однако оно так никогда окончательно и не исчезло, продемонстрировав поразительную живучесть и приспособляемость, изворотливость, способность к развитию новых форм.

В отдельных отраслях дореволюционной российской экономики, например, в сельском хозяйстве, ростовщичество воспринималось как настоящее бедствие. Ростовщики опутали все сельское население — и помещиков, и крестьян, и сельскую интеллигенцию (учителя, агрономы, врачи и проч.). Например, в Новгородской губернии в изучаемый период в исключительно тяжелом положении находились рыбаки, промысел которых долгое время находился под полным контролем ростовщиков-перекупщиков [1, с. 44-49].

Однако невозможность избавиться от этого промысла обусловила некоторые методы его регулирования в законодательстве Российской империи, которые позволяли ввести ростовщичество хотя бы в какие-то определенные, контролируемые рамки, за нарушение которых можно было получить реальное наказание.

Выдачу денег в ссуду под проценты (залоговые или расписки) могли осуществлять как содержатели ссудных касс, так и частные лица, но при строгом оформлении сделок. Существовал и третий, самый опасный вид заимодавцев, ссужавших деньги без надлежащего оформления, зачастую под честное слово и, как правило, под высокие проценты. Больше всего таких ростовщиков было на селе, где они могли принимать в залог зерно и другие продукты, домашний скот и проч.

Благодаря художественной литературе сформировался устойчивый стереотип ростовщика, знакомого нам из романов О. де Бальзака («Гобсек»), В.В.Крестовского («Петербургские трущобы» и «Петербургские типы»), Ф.М.Достоевского («Преступление и наказание»), например, всем известная старуха-процентщица. Однако на деле этим промыслом занимались представители всех слоев населения. По законам Российской империи любой человек (кто сам мог отдавать деньги в займы) мог заниматься и приемом в заклад движимого имущества и ссужать деньги в рост.

Однако порядок оформления залогов на дому представлял большое поле для злоупотреблений и других негативных действий. Прежде всего, это касалось подставных лиц, оформления расписок, актов и др., поэтому власти считали, что лица, занимавшиеся ростовщичеством в виде промысла, должны были не проводить эти сделки на дому, а открывать специальные конторы или кассы по выдаче ссуд под залог движимых вещей, где легче было бы контролировать эту деятельность.

Таким образом, ростовщики, желавшие легализовать свой промысел, могли организовать кассу по приему вещей в залог, оформив для этого необходимые документы. Однако для этого еще нужно было получить разрешение у губернатора или градоначальника. В этом случае их деятельность приобретала законный и обоснованный характер (как бы имея одобрение властей), и ростовщик имел надежду на более сдержанное отношение к себе и к своему делу.

Зачастую ростовщики сами были заинтересованы в легализации своей деятельности и действительно предпочитали открывать ссудные кассы, а не подставные фирмы, мастерские (например, переплетные, стекольные или другие). Профиль таких мастерских позволял мало заниматься заявленной деятельностью, а служить на самом деле прикрытием для выдачи ссуд ростовщического характера. Однако получить разрешение на открытие ссудной кассы было непросто.

Характерно, что условия открытия и отдельные вопросы деятельности этих касс размещались в «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений» Свода законов Российской империи, во второй главе устава «О

предупреждении и пресечении ростовщичества и о ссудных кассах». В первой же ее статье отмечалось, что «На обязанность полиции возлагается, чтобы вредные ростовщики и лихоимцы, как сущие хищники были строжайше преследуемы» [2]. Это хорошо иллюстрирует отношение властей и населения к данному промыслу.

Характерным примером подобного отношения служит затянувшаяся история с безуспешными попытками учредить (а фактически — легализовать) в Новгороде ссудные кассы под залог вещей, продолжавшаяся в одном случае в середине 1870-х, а в другом случае — в 1880-х гг. Недостаточная проработка антиростовщического законодательства и недоброжелательное, а, зачастую, и прямо негативное отношение властей и общественности проявились в этой истории очень ярко.

В 1872 г. отставной унтер-офицер Мовша Поляк ходатайствовал об открытии в Новгороде ссудной кассы на основании составленных им же самим правил. 13 марта он обратился за разрешением в городскую управу. Однако «Управа, не имея в виду, чтобы ссудные кассы, учреждаемые частными лицами, причислялись к торговым заведениям и, следовательно, разрешение таковых зависит от правительства...» обратилась к губернатору, а тот в свою очередь — в МВД [3, л. 4].

После рассмотрения городскими властями правил планируемой кассы М.Поляка было установлено, что «Из правил этих видно, что ссудная касса открывается в тех видах, чтобы дать возможность пользоваться бедным жителям краткосрочным кредитом под залог за возможно умеренные проценты и тем избавить их от негласного ростовщичества (§ 1)». [3, л. 1]. Однако из этих правил следовало, что ссуда за залог вещи выдавалась из 2/3 оценки за вычетом «интересов» в пользу кассы за время пользования вперед (§ 4); «интерес» кассы составлял 3/4 % в мес., 4 % — за хранение залога и 1¼ % — страховка (§ 5), итого — 6 % в месяц или 72 % в год «... что не может признаваться нестеснительным» [3, л. 1об].

Губернское правление не имело никаких указаний о предоставлении частному лицу права открыть подобную кассу, кроме Устава С.-Петербургского частного ломбарда (№ 152 и 153 Правительственного вестника за 1870 г.), по которому разрешено взимать проценты, «несравненно» меньшие, чем предполагал брат М.Поляк. В связи с этим последовало обращение губернского правления к губернатору, а затем, 27 мая 1872 г., и отношение новгородского губернатора Э.В.Лерхе, вице-губернатора О.Ф.Отта из новгородского губернского правления в Департамент полиции исполнительной (МВД) за разъяснениями с приложением правил кассы М.Поляка [3, л. 2].

10 июля 1872 г. из Хозяйственного департамента МВД за подписью товарища (заместителя) министра статс-секретаря кн. А.Б.Лобанова-Ростовского (в тексте — просто Лобанов — *Я.В.*) и вице-директора департамента А.Г.Вишнякова ответили, что по ст. 2 Городового положения 1870 г. этот вопрос необходимо передать на рассмотрение Новгородской городской думы «...и в дальнейшем направлении онаго поступить согласно с установленным порядком». [3, л. 3].

Соответствующая выписка из постановления Новгородской городской думы датирована 10 октября 1872 г.

Однако управа решила не ограничиваться только запретительными мерами и после этого обратилась в городской общественный банк для составления своего заключения «...с присовокуплением в видах уничтожения ростовщичества и в пользу самого города, не следует ли увеличить число дней в неделю для выдачи обывателям из банка ссуд под ручные вещи, неподверженные порче». На это банк 17 октября за № 2418, уведомил, что «...по мнению правления банка, производство означенных ссуд — три дня в неделю — достаточно удовлетворит эту потребность, и прибавить число дней не представляется удобным без увеличения настоящего состава канцелярии банка» [3, л. 5]. По поводу же планируемой кассы «...банк находит, что составленные Мовшем Поляк правила ссудной кассы вовсе не соответствуют цели доставить возможность недостаточным жителям города пользоваться кредитом за умеренные проценты ... (т. е. — 6 % в месяц — *Я. В.*) ...таковой обременительный процент едва ли можно допустить в гласно открытой кассе, целью которой должно быть уничтожение ростовщичества...» [3, л. 4об].

Управа считала, что открытие ссудной кассы на представленных М.Поляком условиях, которые «не выгодны для жителей», не вызывается необходимостью, так как в Новгороде уже существует городской общественный банк, который на основании ст. 93 и 105 Положения о банках 1862 г., принимает к залогоу вещи, неподверженные порче «за весьма выгодный процент», — 8 % годовых (а не 6 % в месяц, т.е. — 72 % в год — *Я.В.*). [3, л. 5]. Дума отмечала, что залогов в городском банке гарантируются ручательством всего городского общества (ст. 25 нормального Положения городских банков) — чего нет у частных ссудных кассиров, и от этого может пострадать заемщик [3, л. 3б].

Таким образом, «Городская дума, выслушав доклад управы по ходатайству Мовши Поляка о дозволении открыть ссудную кассу в Новгороде и приняв во внимание, что городское население при существовании банка не встречает необходимости в открытии ссудной кассы и что условия, предлагаемые просителем, представляются отягощенными для заемщиков, определила: в открытии ссудной кассы ему отказать» [3, л. 5].

Однако дело на этом не закончилось, ибо на постановление думы М.Поляк принес жалобу и через два года губернатор Э.В.Лерхе 16 декабря 1874 г. в отношении министру внутренних дел Е.А.Тимашеву отметил, что городская дума, обсудив этот вопрос, выяснила еще обстоятельства, не позволяющие учредить ссудную кассу.

Губернатор писал, что дума «...Нашла, что Поляк, как состоящий в столярном цехе маляром, согласно 109 ст. и 5 прим. 4 ст. по прод. 1868 г. Устава ремесленного и циркуляра МВД от 16.02.1866 г. № 1257, равно 128 и 131 ст. Устава торгового, имеет право производить торговлю по свидетельству 2 гильдии только предметами своего ремесла или мастерства, а не предметами, ремеслу его совершенно чуждыми; евреям же купцам 2 гильдии (ст. 131) дозволяется только приезжать самим или присылать вместо себя приказчиков в столицы и другие города для покупки товаров один раз в год на 2 месяца. Следовательно, Поляк, как причисленный в купеческое сословие, может пользоваться только сословными, но не торговыми преимуществами, не соответствующими его малярному мастерству. На сем основании и содержание ссудной кассы, как подходящей по роду производимых в ней операций к разряду промышленных и торговых заведений, но не относящейся к специальному ремеслу маляра, составляет прямое нарушение вышеизложенных статей закона, а потому подлежит воспрещению. За сим в видах общественной пользы, желая, чтобы точно были определены отношения лиц, выдающих ссуды, к закладчикам и над первыми учреждаем правильный контроль, дума, одобрив составленный городской управой проект правил по сему предмету, вошла ко мне с ходатайством о представлении такового на утверждение правительства и о закрытии ссудной кассы купца Поляка» [3, л. 8].

Иными словами, если М.Поляк — маляр, то пусть занимается тем делом, которое зарегистрировал и продает результаты своего труда беспрепятственно. Дело в том, что ремесленников на местах остро не хватало, поэтому власти мирились с нахождением купцов-евреев и вне черты оседлости [4, с. 22] (куда Новгородская губерния не входила). Однако их проезд по торговым (а, значит и ссудным) делам уже был обставлен значительными ограничениями и лишь на короткое время (эти меры не касались только купцов-евреев 1 гильдии). Таким образом, городская дума как бы намекала Поляку о проблемах дальнейшего нахождения в Новгороде, если он будет без разрешения продолжать заниматься ссудами. Правда, М.Поляк имел право проживать вне черты оседлости в силу ст. 3 п. 4 Положения о нижних воинских чинах 25 июня 1867 г. [3, л. 37об]. Более того, мы узнаем, что ссудная касса все-таки действует, раз существует ходатайство о ее закрытии.

«...Присутствие, по соображении их с VII § прил. к ст. 1124, 1125, 1152, и ст. 1215 Устава уголовного судопроизводства, признаю, что разрешение вопроса о закрытии кассы должно зависеть от суда (*напротив этих слов, подчеркнутых карандашом, на полях стоит знак вопроса — Я.В.*). За сим присутствие определило: не отменяя постановления думы, жалобу Поляка оставить без уважения» [3, л. 8об].

В целях противодействия частной ссудной кассе городская управа составила свой проект правил кассы ссуд, о которых Э.В.Лерхе отметил, «...что проектируемые правила имеют целью облегчить условия пользования кредитом недостаточному классу общества под залог движимости и вместе с тем оградить от произвола, какой допускается ссудными кассами, подобными открытой купцом Поляком» [3, л. 9]. Оба проекта правил были приложены к делу.

«Проект правил об устройстве в Новгороде кассы для ссуды денег под заклад движимого имущества» [3, л. 10-30об], разработанный управой, составил 40 страниц с подробной проработкой операционной стороны и ответственности сторон, с механизмами противодействия произволу ссудодателя. Проценты составляли: 0,5 коп с рубля в мес. (т. е. — 0,5 % — Я. В.), за хранение — не свыше 3 % в месяц, особой платы по страхованию залогов не предусматривалось, все подобные расходы несет ссудодатель («ссудчик»). Размер ссуды и оценка вещи определялись по взаимному соглашению, срок ссуды — не более года. (§ 9-11) [3, л. 13об]. Льготный срок для выкупа залога — 1 мес., а не 15 дней, как у М.Поляка (§ 21), но до продажи, например, с торгов вещь могла быть выкуплена (§ 22). Содержатель кассы за нарушение правил подвергался штрафу до 100 руб., а также и другим наказаниям вплоть до закрытия кассы.

Для сравнения — правила, разработанные М.Поляком из 7 пунктов, составили 1,5 страницы убористым и 2,5 страницы писарским почерком [3, л. 1, 42-43].

Несмотря на постоянные отказы и противодействия властей, М.Поляк упрямо продолжал заниматься выдачей ссуд, причем именно в кассе. Так, в докладе городской думы от 24 июля 1874 г. (за подписью городского головы Я.И.Журавлева) отмечалось, что, несмотря на отрицательный ответ из МВД, губернского присутствия и управы «...касса Поляком открыта».

Выяснилось, что Поляк получил на свой запрос об открытии ссудной кассы от полицмейстера (полк. В.И.Аристов — Я. В.) ответ, который посчитал (или сделал вид, что посчитал) положительным, в другие вышестоящие инстанции обращаться больше не стал и открыл кассу ссуд.

«После открытия Поляком ссудной кассы, на запрос управы — с чьего разрешения и на каком основании открыто это заведение, г. полицмейстер 11 мая 1873 г. за № 2941-м, уведомил, что 13 марта им выдано было Поляку свидетельство о том, что на открытие этого заведения нет с его стороны препятствий, в чем было отпечатано и объявление, но по такому свидетельству он, Поляк, ни что иного, как обязан был испросить у кого следует разрешения на открытие означенного заведения» [3, л. 32-32об].

В процессе рассмотрения вопроса дума отметила, что хотя на основании ст. 1665 I части X тома Свода законов Российской империи (далее — СЗ, Свод законов), принимать в заклад движимое имущество может всякий человек, кто в праве отдавать займы деньги, однако, согласно разрешению Правительствующего Сената (по гражданскому кассационному Департаменту 1870 г. № 1642), акт о закладе движимого имущества может получить обязательную силу только в том случае, если он совершен с соблюдением всех форм и «обрядов», указанных в ст. 1667-1668 I части X тома Свод законов [3, л. 33].

Дума считала, что Поляк никаких форм и «обрядов» не соблюдает, а действует так, как ему удобно: «...санкт-петербургским обер-полицмейстером еще в 1868 г. представлены были г-ну министру внутренних дел проектируемые им правила об устройстве в Санкт-Петербурге ссудных касс... (хотя заключения о них пока не поступило — л. 45 — Я.В.) ... Между тем, отставной унтер-офицер из евреев Мовша Поляк, миновав надлежащие инстанции, содержит ссудную кассу по составленным им самим правилам, для соблюдения своего интереса...» [3, л. 34].

Но даже с закрытием кассы Поляка дума не добились бы ощутимой победы без введения в действие правил, составленных ею, т.к. оказалось, что «в Новгороде, с начала текущего года существует другая ссудная касса купца Ивана Алексеева Гусева, на открытие которой он, хотя и не испрашивал разрешения управы, но в данном на запрос управы в феврале месяце г. полицмейстеру отзыве объяснил, что с 1 января сего года им открыто заведение покупки и продажи разного рода движимости на основании 2 ст. Устава о пошлинах за право торговли, а равно и имеющихся у него при этом заведении документов купеческого 2-й гильдии свидетельства за № 201 и билета на торговое и промышленное заведение № 202» [3, л. 39об].

В связи с этим управа запросила городскую думу о полномочиях ходатайствовать перед губернатором о закрытии кассы и принятии новых правил [3, л. 40]. Дума в присутствии 22 гласных управу на это уполномочила (Журнал Новгородской городской думы 24 июля 1874 г.) [3, л. 41]. 6 февраля 1876 г. новгородский вице-губернатор снова обратился в Хозяйственный департамент МВД о введении новых правил по устройству ссудных касс [3, л. 46]. Хозяйственный департамент МВД, в свою очередь, 10 марта 1876 г. обратился о состоянии дела в Департамент торговли и мануфактур [3, л. 47].

17 мая 1876 г. министру внутренних дел Е.А.Тимашеву ответил министр финансов М.Х.Рейтерн, что «...помянутый проект, по надлежащем исправлении, мог бы быть утвержден лишь законодательным порядком, а, между тем, особою комиссией, состоящею при II Отделении СЕИВК уже составлен, как известно Вашему Высокопревосходительству, проект общих правил для производства в виде промысла денежных ссуд под заклад и сделанные мною на этом проекте замечания сообщены г. министру юстиции в отношении от 28 января 1876 г. за № 1278, то в настоящее время было бы неудобно дать ход проекту правил для производства таких ссуд в г. Новгород» [3, л. 48-48об].

31 мая 1876 г. товарищ (заместитель) министра внутренних дел, статс-секретарь А.Б.Лобанов-Ростовский сообщил об этом новгородскому губернатору Э.В.Лерхе [3, л. 49-49об]. Таким образом, проект правил новгородской городской думы в действие не вступил, а борьба с легальными и подпольными кассами ссуд приняла затяжной характер.

История имела продолжение в 1879—1882 гг., когда в открытии кассы было отказано и М.Поляку, и Лазарю Гиршевичу Якубовскому, купеческому сыну. Дело даже разбиралось в Сенате, куда Якубовский подал жалобу на новгородское губернское правление «за недозволение» открыть в Новгороде кассу ссуд (рассматривалось 6 апреля 1882 г. в присутствии четырех сенаторов) [5].

К губернатору Э.В.Лерхе он обратился 13 февраля 1881 г., обещая, что в случае учреждения кассы ссуд с каждого прибыльного рубля будет жертвовать $\frac{1}{2}$ коп в пользу Общества попечительства о бедных города Новгорода и что залог в 4000 руб. будет им представлен.

Полицмейстер (подп. Б.А.Сесицкий — Я.В.) дал положительную оценку о его благонадежности, но городской голова Я.И.Журавлев заявил, что в виду того, что 17 марта 1880 г. городская дума снова не разрешила Моисею Ааронову Поляку открыть ссудную кассу («в виду изменившегося семейного положения просителя и неимения возможности представить следуемый по кассе залог» [5, л. 10об]), то он со своей стороны, признает невозможным дать окончательное заключение по ходатайству Л.Якубовского без особого решения думы. Однако он полагает, что при существовании в Новгороде двух банков (городского общественного и общества взаимного кредита — Я.В.) к открытию подобной кассы надобности не представляется.

Новгородское губернское правление согласилось с этим, на что Л.Якубовский и подал жалобу, отмечая что: 1) открытие ссудных касс разрешено в империи (Высочайше утвержденное мнение Госсювета 24 апреля 1879 г.); 2) банки служат только для приема драгоценных вещей, но не предметов обыденного быта; 3) что Новгородское общество взаимного кредита производит операции исключительно со своими членами, обязанными сделать вступительный взнос не менее 50 руб.; 4) что банки бывают открыты только в известные дни; 5) это создает затруднения нуждающимся и они продают скарб первым попавшимся; 6) по кассовым книгам можно легко контролировать «ссудчика».

Однако отказ Новгородского губернского правления был обусловлен Высочайше утвержденным мнением Госсювета от 24 апреля 1879 г., где разрешение данных касс частным лицам было поставлено в безусловную зависимость от личного убеждения лица, разрешающего это (т.е. — губернатора, кроме Москвы и Петербурга). Это и было отражено в постановлении Новгородского губернского правления от 11 мая 1881 г.

Но Сенат учел доводы Якубовского и положительный отзыв о его благонадежности, признал его жалобу заслуживающей удовлетворения и в составленном проекте определения (решения) отменил постановление Новгородского губернского правления с предписанием ему «войти» в новое рассмотрение дела.

Однако этот проект определения Сената, направленный на подпись министру внутренних дел, вернулся неподписанным с отзывом на имя обер-прокурора от 9 февраля 1883 г. В нем указывалось на п. 2 Городового положения 1870 г. и ст. 8 и 9 Высочайше утвержденных 24 апреля 1879 г. правил о ссудных кассах, где

«начальство» при выдаче разрешений на открытие ссудных касс должно было руководствоваться не только сведениями о личности просителя и нравственных его качествах, но и с теми данными, относительно потребности для города в учреждениях сего рода, которые сообщаются местной городской думой.

А так как местная дума высказалась, что кроме общества взаимного кредита, действующего со своими клиентами, существует и городской общественный банк «...удовлетворяющий потребности в мелком кредите всех вообще местных жителей, между прочим, и путем выдачи им денежных ссуд под залог движимости, т.е. операции, присвоенным ссудным кассам, от товарища министра по соглашению с министром финансов, не усматривал бы в обжалованном постановлении Новгородского губернского правления по сему делу каких либо неправильностей» [5, л. 10-12].

Из двух справок, подшитых к делу, от 15 июня и 26 октября 1883 г. следует, что в деле новых изменений нет и из наложенной карандашной резолюции на последней справке следует, что решение по этому вопросу зависит лично от губернатора [5, л. 13-14].

Характерно, что переписка по делу Л.Якубовского, в отличие от дела М.Поляка, очень незначительна — всего три письма между Хозяйственным департаментом МВД и Особенной канцелярией по кредитной части Министерства финансов с 5 декабря 1882 г. по 2 февраля 1883 г.

В конце XIX в. действенным способом борьбы с ростовщичеством считалась организация учреждений ломбардного кредита, где нуждавшиеся могли бы получать ссуду под небольшие проценты. Изучение зарубежного опыта показывало, что при умелой постановке дела и его хорошей организации ломбарды могут составить хорошую конкуренцию ростовщикам. В Италии и Германии ломбарды учреждались с XV в., во Франции и Англии — с XVIII в., некоторые — на благотворительных началах. До конца XIX в. в России подобные опыты были единичны и малоуспешны [6, с. 3; 7, с. 6-7, 48].

Впрочем, в России имелся некоторый опыт организации залога хлеба на льготных условиях (правда, на практике это применялось мало). Пионером в организации этого вида сельского кредита может считаться Крестецкое уездное земство Новгородской губернии, которое с 1866 г. начало практиковать выдачу ссуд под склад хлеба (на займные у губернских земских органов 10 тыс. руб.). Зерно принималось от крестьян осенью, чтобы предотвратить его продажу за бесценок. Весной зерно возвращалось крестьянам для посева или продажи по более высокой цене. Кроме того, оно могло приниматься в уплату казенных и земских повинностей. По ссуде взималось от 8 до 10% с оборотной суммы. Операция развивалась, в общем, успешно, и 25 лет спустя, к 1891 г., в уезде уже существовало 80 хлебных складов подобного рода [7, с. 10; 8, с. 5]. Аналогичные операции в 90-х гг. XIX в. осуществлялись земством в Ельце, Сумах, в Полтавской, Воронежской, Тверской, Самарской, Курской, Нижегородской, Тамбовской, Петербургской, Симбирской, Вятской губерниях. Государственный банк так же осуществлял выдачу ссуд под залог зерна. Тем не менее, это не могло быть признаком полноценной, стабильно действующей системы ломбардного кредита.

В этой ситуации городские думы попытались организовать ломбарды на муниципальные средства. Одним из первых в России и первым в Новгородской губернии был учрежден городской ломбард в Тихвине (с 1889 г.). В 1891 г. открылся ломбард в Старой Руссе и, в 1894 г., — в Новгороде. В 1912 г. был утвержден устав Белозерского городского ломбарда, не успевшего, однако, развернуть своих операций до I мировой войны. При определенных успехах они все же не смогли оказать ростовщикам действенной конкуренции из-за недостатка свободных городских средств и просчетов в организации деятельности. Так, из 11 уездов Новгородской губернии они работали всего в трех [см. подробнее: 9, с. 245-277].

Земский деятель И.Кучин пропагандировал идею земских сельских складов-ломбардов, прежде всего для рыбаков, где можно было на льготных условиях заложить сети, лодки и проч., получив средства для организации лова помимо ростовщиков [10, с. 19; 11, с. 47]. Другим способом борьбы он считал организацию крестьянских и рыбацких кредитных товариществ и даже сумел организовать несколько таких, например, Ильменское, функционировавшее достаточно успешно [8, с. 12]. Деятельность его вызвала резкое недовольство местных лавочников, которые «стараются вредить ему, не разбирая средств» [12, с. 4]. Реальную помощь населению могла также оказать организация потребительских обществ [13, с. 36].

Однако расцвет этих учреждений, созданных на кооперативных началах, придется только на 1910-е гг., когда им начнет оказываться ощутимый государственный кредит, будут приняты соответствующие законы. До этого периода земским и городским органам приходилось рассчитывать, в основном, на свои силы. Отсутствие государственной помощи, прежде всего, в создании действенной законодательной базы, стало заметным фактором отсутствия заметных успехов в борьбе с ростовщичеством.

Ситуация с ссудными кассами продолжала оставаться в таком неясном положении, пока продолжали трудно и долго разрабатываться законодательные нормы, позволявшие бы контролировать явных и подпольных ростовщиков и сдерживать наиболее негативные проявления этой деятельности. Правила производства ссуд и наказания за их нарушение не были сведены в единый кодекс и оказались рассыпаны по обширному российскому законодательству. Основные из них были сосредоточены в «Своде законов гражданских» («О закладе движимого имущества между частными лицами») [14]; в «Уложении о наказаниях» [15]; в «Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» [16]; в «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений» (Гл. 2 — «О предупреждении и пресечении ростовщичества и о ссудных кассах») [17] и в других. Процесс совершенствования законодательства не завершился и в начале XX в., однако некоторые проблемы все же стали решаться проще. С другой стороны, изменялось, мимикрировало и само ростовщичество, принимавшее

новые формы и изобретавшее новые учреждения, в стенах которых можно было осуществлять ссудную деятельность.

Возможно, одной из них стала комиссионерская контора, дело об открытии которой рассматривалось в 1913—1914 гг., когда два новгородских обывателя — И.И.Кукин и И.В.Шарашкин подали прошение об организации комиссионерской конторы 2-го разряда под названием «Коммерческий посредник» [18]. «Программа» деятельности проектируемого заведения была очень широка:

«...§ 1. Контора принимает на себя:

Посредничество при покупке и продаже всякого рода движимого и недвижимого имущества

Посредничество по приисканию и помещению капиталов

Посредничество по найму и отысканию домов и всякого рода помещений и

Приискания лиц на частные должности и службы (Прим.: Рекомендация лиц, занимающихся педагогической деятельностью и адвокатурою конторе не допускается.)»

Далее еще шли 5—10 параграфов, регламентировавших сами операции. Заметим, что при столь широком разбросе занятий, выдача ссуд в программе конторы указана не была, однако п. 2, особенно «посредничество по приисканию капиталов», такую возможность дает, в том числе и на основах «посредничества» между сторонами.

Окончательно устав был утвержден 19 марта 1914 г. [18, л. 13]. Министерство торговли и промышленности (Отдел торговли) не нашло препятствий к удовлетворению ходатайства, с тем, чтобы эта контора была подчинена по действиям к ст. 46 Устава торгового (изд. 1903 г.) [18, л. 6].

Кто же были учредители этой конторы, возникшей на взлете кооперативного движения?

Из прикрепленной к делу справки следует (подписана помощником пристава 2-й части Новгорода Л.П.Шимковичем — Я. В.), что сын новгородского купца Иван Васильевич Шарашкин состоит доверенным Калинкинского пиво-медоваренного завода, получал жалования 100 р. в месяц. Лично сам никакого имущества не имел. Жил при отце, который владел в Новгороде недвижимым имуществом и занимался торговлей (всего на сумму — около 50 тыс. руб.). Шарашкину было 27 лет, женат, имел 3 детей, из которых старшему — 5 лет. Поведения «хорошего», судим и не в чем предосудительном замечен не был.

Коллежский регистратор Иван Ильич Кукин, 35 лет, служил в Управлении земледелия и Государственных имуществ Новгородской губернии, бухгалтером по продаже казенных земель, получал жалования с наградными 1200 руб. в год. Кроме службы, средств не имел. Женат, трое детей. Поведения «хорошего», судим не был и не в чем предосудительном также замечен не был. Впоследствии И.И.Кукин права полностью передал И.В.Шарашкину. Залог в 7500 руб. вносил последний [18, л. 6].

Таким образом, проблема ростовщичества (особенно сельского) продолжала оставаться весьма серьезной вплоть до начала XX в. и требует дальнейшего её изучения. К сожалению, оно значительным образом затруднено отсутствием каких-либо официальных данных о деятельности ростовщиков, их отчетности и проч. Парадоксально, но при широком обсуждении этого вопроса в печати и органах управления сведения о ростовщиках крайне немногочисленны и носят скорее полемический характер. Например, в «Памятных книжках Новгородской губернии» (1858—1916) ссудные кассы не упоминаются, как нет сведений об их содержателях и в результатах переписи 1897 г. по Новгородской губернии [19]. В связи с этим выявление реального распространения ростовщичества (особенно, как промысла), размера его оборотов, степени влияния на местное хозяйство и общество представляется важной задачей в плане исследования социально-экономической жизни дореволюционной России.

1. Корешкова Т.А. Земские склады сетей и рыболовных принадлежностей в Новгородской губ. (1902—1914 гг.) // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Вып. XI. В.Новгород, 2012. С. 44-49.
2. Устав о предупреждении и пресечении преступлений // СЗ. Т. XIV. Гл. 2. О предупреждении и пресечении ростовщичества и о ссудных кассах. Ст. 249-259.
3. Об открытии в г. Новгороде кассы ссуд под залог вещей, по ходатайству отставного унтер-офицера Мовши Поляка. 12 июня 1872 г. — 31 мая 1876 г. // РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 501. (52 л.).
4. Лесков Н.С. Евреи в России [Электр. ресурс] // Совершенно секретно. 1989. № 3. С. 22. URL: <http://magzdb.org/num/3150953> <http://magzdb.org/file/443715/dl> (дата обращения: 17.01.2019).
5. По определению Сената о дозволении Якубовскому открыть в г. Новгороде ссудную кассу // РГИА. Ф. 1287. Оп. 9. Д. 1498. Л. 1-17.
6. Серебряков Я.А. Городские ломбарды в России. СПб., 1907. С. 3.
7. Кирилов И.А. Ломбарды в России. М., 1992. (Переиздание 1922 г.) С. 6-7, 10, 48.
8. Н.М. Очередное губернское земское собрание // ВНЗ. 1905. № 7. С. 12.
9. Васильев Я.А. Городские общественные ломбарды Новгородской губернии (1889—1914) // Новгородский исторический сборник. Вып. 15(25). В. Новгород. 2015. С. 245-277.
10. Кучин И. Летнее и осеннее рыболовство на больших озерах в 1902 г. // ВНЗ. 1902. № 23. С. 19.
11. Кучин И. Помощь рыболовному населению в Старорусском уезде // ВНЗ. 1905. № 9. С. 47.
12. Книга протоколов 1-го Ильменского кредитного товарищества. (1904—1905 гг.) // Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. 463. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
13. Е.Г. Тихвин // Вестник Новгородского земства (далее — ВНЗ). 1905. № 7. С. 36.
14. О зкладе движимого имущества между частными лицами // Свод законов Российской империи (далее — СЗ). Свод законов гражданских. Т. X. Ч. 1. Ст. 1663—1678, 2020—2021.

15. Уложение о наказаниях // СЗ. Т. XV. Отд. 9. Ст. 992.1-4.
16. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // СЗ. Т. XV. Ст. 108.1-4.
17. Устав о предупреждении и пресечении преступлений // СЗ. Т. XIV. Гл. 2. С. 117-118, ст. 249.
18. О разрешении Кукину и Шарашкину открыть в г. Новгороде комиссионерскую контору 2-го разряда под названием «Коммерческий посредник» // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1284. Оп. 188. 1913 г. Д. 164.
19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н.А.Тройницкого. [Б. м.]: Издательский центр стат. комитета М-ва внутр. дел, 1901. Т. 26: Новгородская губерния: Тетрадь 1. 63 с.; 1903. Тетрадь 2. 247 с.

References

1. Koreshkova T.A. Zemskie sklady setey i rybolovnykh prinadlezhnostey v Novgorod-skoy gub. (1902—1914 gg.) [Zemsky warehouse networks and fishing supplies in Novgorod province (1902—1914)]. Dokumental'noe nasledie Novgoroda i Novgorodskoy zemli [Documentary heritage of Novgorod and Novgorod region], vol. XI. Velikiy Novgorod, 2012, p. 44-49.
2. Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestupleniy [Statute of prevention and suppression of crimes]. Svod zakonov Rossiyskoy imperii [Code of laws of the Russian Empire (more — SZ), vol. XIV, chapter 2. — O preduprezhdenii i presechenii rostvshchichestva i o ssudnykh kassakh [About the prevention and suppression of usury and about loan offices]. Section 249-259.
3. Ob otkrytii v g. Novgorode kassy ssud pod zalog veshchey, po khodataystvu otstavnoho unter-ofitsera Movshi Polyaka. 12 iyunya 1872 g. — 31 maya 1876 g. [About the discovery in Novgorod of cash loans against things, at the request of a retired non-commissioned officer of Movsi Polyak. 12 June 1872 — 31 May 1876]. RGIA, fund 1287, inv. 7, file 501 (52 p.).
4. Leskov N.S. Evrei v Rossii [The Jews in Russia]. Sovershenno sekretno [Top secret], 1989, no. 3, p. 22. Available at: (<http://magzdb.org/num/3150953> <http://magzdb.org/file/443715/dl>) (accessed: 17.01.2019).
5. Po opredeleniyu Senata o dozvolenii Yakubovskomu otkryt' v g. Novgorode ssudnuyu kassu [By definition of the Senate about permission to Yakubovsky to open in Novgorod loan office]. RGIA, fund 1287, inv. 9, file 1498, fol. 1-17.
6. Serebryakov Ya.A. Gorodskie lombardy v Rossii [City pawnshops in Russia]. Saint Petersburg, 1907, p. 3.
7. Kirilov I.A. Lombardy v Rossii [Pawn shops in Russia]. Moscow, 1992. (Pereizdanie [Reissue] 1922), pp. 6-7, 10, 48.
8. N.M. Ocherednoe gubernskoe zemskoe sobranie [The next provincial meeting]. Vestnik Novgorodskogo zemstva [Vestnik of the Novgorod Zemstvo] (more — VNZ), 1905, no. 7, p. 12.
9. Vasil'ev Ya.A. Gorodskie obshchestvennye lombardy Novgorodskoy gubernii (1889—1914) [City public pawnshops of Novgorod province (1889—1914)]. Novgorodskiy istoricheskiy sbornik [Novgorod historical collection], vol. 15(25). Velikiy Novgorod, 2015, pp. 245-277.
10. Kuchin I. Letnee i osennее rybolovstvo na bol'shikh ozerakh v 1902 g. [Summer and autumn fishing on large lakes in 1902]. VNZ, 1902, no. 23, p. 19.
11. Kuchin I. Pomoshch' rybolovnomu naseleniyu v Starorusskom uезде [Assistance to the fishing population in the old Russian district]. VNZ, 1905, no. 9, p. 47.
12. Kniga protokolov 1-go Il'menskogo kreditnogo tovarishchestva. (1904—1905 gg.) [Book reports 1st Il'men credit unions. (1904—1905)]. Gosudarstvennyy arkhiv Novgorodskoy oblasti [State archive of Novgorod region] (GANO), fund 463, inv. 1, file 1, fol. 4.
13. E.G. Tikhvin [Tihvin]. VNZ, 1905, no. 7, p. 36.
14. O zaklade dvizhimogo imushchestva mezhdru chastnymi litsami [On the pledge of movable property between individuals]. Svod zakonov Rossijskoy imperii [Code of laws of the Russian Empire (more — SZ). Svod zakonov grazhdanskikh [Code of civil laws], vol. X, chapter 1, section 1663-1678, 2020-2021.
15. Ulozhenie o nakazaniyakh [Penal servitude]. SZ, vol. XV, chapter 9, section 992.1-4.
16. Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami [Statute of penalties imposed by justices of the peace]. SZ, vol. XV, section 108.1-4.
17. Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestupleniy [Statute of prevention and suppression of crimes]. SZ, vol. XIV, chapter 2, p. 117-118, section 249.
18. O razreshenii Kukinu i Sharashkinu otkryt' v g. Novgorode komissionerskuyu konтору 2-go razryada pod nazvaniem "Kommercheskiy posrednik" [About permission to Kukin and Sharashkin to open in Novgorod the Commission office of the 2nd category under the name "The Commercial intermediary"]. Rossijskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv [Russian state historical archive] (more — RGIA), fund 1284, inv. 188, 1913 g., file 164.
19. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g. [The first General census of the population of the Russian Empire, 1897], 1901. Vol. 26: Novgorodskaya guberniya [Novgorod province], chapter 1. 63 p.; 1903. Chapter 2. 247 p.

Vasil'ev Ya.A. The controversy surrounding the opening of a loan (usury) the banks under the pledge of things in Novgorod in 70th—80th years of 19th century. The article is devoted to certain issues of activity of usurers of Novgorod province in the late 19th century. Mainly, the controversy over the opening of loan offices on the security of things that unfolded between the city authorities and the residents of these banks is being considered. The city authorities believed that in this way the usurers sought to legalize their trade and strongly opposed it. The problem was exacerbated by the absence at that time of an effective legislative framework that allowed to strictly counter usury. The article also touches upon the problem of combating usury, for example, the attempts of the Zemstvo to introduce special warehouses for the pledge of grain, the establishment of urban public pawnshops, credit partnerships and consumer societies.

Keywords: lenders, lending offices, liens, city Duma (councils), municipal pawnshops, Novgorod province.

Сведения об авторе. Я.В.Васильев — канд. ист. н., канд. э. н., доцент, старший научный сотрудник Новгородской группы Санкт-Петербургского института истории РАН; доцент кафедры истории России и архивоведения Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; vasilev-yaroslav@yandex.ru; cafedrased@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 31.01.2019.